

ТРИ СТОЛПА ТУВИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

М. С. Байыр-оол¹

Аннотация: В статье описываются судьбы, особенности биографии и личностей трех человек, сыгравших ключевую роль в истории Тувы, становления государственности республики в начале XX века.

Ключевые слова: Буян-Бадыргы, Сафьянов, Тока, история, Тува, личность, ТНР, биография.

THE THREE PILLARS OF TUVAN STATESMANSHIP

M. S. Baiyr-ool

Abstract: Article paints the fates, biographies and personalities of three men who played key role in history of Tuva, establishment of state in the beginning of 20th century.

Keywords: Buyan-Badyrgy, Safyanov, Toka, history, Tuva, personality, Peoples' Republic of Tuva, biography.

Ак-Монгуш Буян-Бадыргы

В XVIII веке группа зажиточных Монгушей охотилась в северной тайге Хан-Дээр (на русских картах — Хантегир) — вблизи границы российской империи. В конце охоты они случайно наткнулись в тайге на истощавшего, полуживого, белого и голубоглазого парня, лежавшего в охотничьей избушке, который заблудился в таежных дебрях. Они привезли его в свой аал и выходили с помощью мяса, молока и отвара целебных трав. Вскоре молодой человек стал своим в аале Монгушей, помогал по хозяйству. Быстро ос-

¹ Байыр-оол Монгуш Сендажиевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва.

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3809-bayyr-ool3.html

воил тувинский язык, стал настоящим кочевником, соблюдал нравы и обычаи своих новых родичей, делил все их тяготы и радости.

Голубоглазый парень рос и мужал. Свободное время играл со своими сверстниками, вместе с ними пел песни кочевников. Пришло время и ему очень понравилась одна из девушек аала. Он влюбился, женился. От него в аале Монгушей Ишкина родился мальчик, которого прозвали Хайнакай, т.е. 'метис' (у тувинцев издревле был обычай давать прозвище). Когда Хайнакай стал пожилым, ему дали прозвище Улуг-Ашак (мужик-великан). Монгуш Хайнакай жил зажиточно, имел девять сыновей и три дочери, все с голубыми глазами. Хайнакай был здоровее и выше своего спасенного Монгушами отца. Когда он садился верхом на тувинского низкорослого коня, то его ноги чуть ли не касались земли.

У среднего сына Хайнакая было прозвище Көвей-Хойлут (буквально — 'у кого много овец'), а звали Хойтпак оглу. Одного из его сыновей звали Серенмей, это отец Саспык, который тоже имел девятерых сыновей и трёх дочерей. Другого сына Хайнакая звали Кара-Бай, от которого и родился Монгуш Хайдып в 1859 г. Тогда Кара-Бай (по прозвищу Чанчаар-Чангы) был правителем Хондерегейского сумона. Позднее погиб, неудачно упав с лошади. Тогда его жена Долгар перекочевала на родину предков в местечко Чанагаш-Аксы Баян-Талы. Когда нойон Дугер назначил Хайдыпа главой Аянгатинского сумона, тот откочевал туда вместе со своей матерью Долгар, с близкими родственниками, в том числе с табунщиком Номчула, отцом будущего Буяна-Бадыргы, которого усыновил родной дядя Монгуш Хайдып нойон¹.

После победы Красной Армии над частями Белой армии в гражданской войне на территории Урянхая в начале 1921 года

возник вопрос о статусе Урянхая. Русская община видела будущее Тувы в составе России, но при сохранении и обеспечении самостоятельного развития тувинского общества, гарантией чего должны были стать Советская власть и русско-тувинские договоры о двухсторонних взаимоотношениях. Однако для окончательного политического выбора необходимо было решение самого тувинского народа. Для решения судьбоносного вопроса решающее значение имела позиция правителей хемчикских кожуунов, особенно влиятельного нойона М. Буян-Бадыргы. На переговорах между представителями двух хемчикских кожуунов Тувы и русской делегацией 25-26 июня 1921 г. со стороны Даа кожууна присутствовали от все чиновники во главе с М. Буян-Бадыргы и с 30 делегатами от 10 сумонов, а также от Бээзи кожууна тоже все чиновники во главе с К. Чымба с 50 делегатами от 17 сумонов. Русскую делегацию возглавлял представитель Советской России в Урянхае И. Сафьянов. Главным результатом переговоров было решение о созыве Всеурянхайского хурала, на котором будет решаться дальнейшая политическая судьба страны. 13–16 августа 1921 г. под председательством М. Буяна-Бадыргы в Суг-Бажы (ныне — Кочетово) состоялся Всетувинский учредительный хурал, где присутствовали представители почти всех кожуунов и сумонов. От Советской России присутствовала делегация во главе с представителем Сибревкома И. Г. Сафьяновым. На Учредительном хурале было провозглашено создание Республики Танну-Тува (с 1925 г. называется ТНР) под покровительством Советской России и была принята первая Конституция ТНР. Историк Н. Моллеров пишет: «Ввиду активной роли, которую играли правители этих кожуунов Даа-нойона Монгуш Буян-Бадыргы и Бээзи-нойо-

на Куулар Чымба в событиях лета 1921 г. их по праву следует считать основателями Тувинского государства» (История Тувы, 2007, т. 2: 127).

На нем был образован Всеобщий центральный совет (Правительство), состоящий из представителей кожуунов (по одному от каждого кожууна). По совету И. Сафьянова, председателем правительства был назначен М. Буян-Бадыргы. В новой политической системе ТНР Ак-Монгуш Буян-Бадыргы, начиная с 16 августа 1921 г. по 1929 г. занимает высшие государственные и партийные должности, а с 1924 г. — является министром иностранных дел по совместительству. На I Великом Хурале ТНР (конец 1923 г.) он был избран председателем Совета Министров ТНР, а его заместителем председателя — Данзын-оол, министром юстиции — Оюн Содунам-Балчыр, министром иностранных дел — Соян Оруйгу, министром финансов — Хертек Ананды, министром внутренних дел — Данзырын (там же: 134).

М. Буян-Бадыргы вторично после восстановления ТНРП, распущенного в 1922 г., вступил в члены ТНРП 25 мая 1923 г. партийный билет №6 получил 3 декабря 1923 г. Тогда ему было 32 года. «Я был одним из основателей тувинской аратской партии, — говорил он, — поняв цели и задачи партии, я добровольно вступил в нее, чтобы быть полезным народу и помогать ему». Как наиболее образованный, эрудированный человек, 6 октября 1925 г. на VI съезде ТНРП он был избран генеральным секретарем ЦК ТНРП (ЦАДПОО ЦГА РТ Ф.1, оп.1, д.157, л.57). В том же году состоялся первый съезд ревсомола Тувы, где основным докладчиком выступил Буян-Бадыргы. Он был членом редколлегии журнала

«Хувисгалду ард («Революционный арат») на монгольском языке, написал статьи «Задачи журнала», «О связи партии и ревсомола».

В то время очень часто сменялись государственные и партийные руководители ТНР, что свидетельствует о сложности и противоречивости политической ситуации. В сентябре 1926 г. на V съезде партии Буян-Бадыргы вновь был избран генеральным секретарем ЦК ТНРП. В 1927-1928 гг. был членом Политбюро ЦК ТНРП. Освобожден в сентябре 1927 г. Но сразу же назначен министром финансов. В 1928 г. по иронии политической судьбы он избран председателем Законодательной комиссии Малого Хурала (ЦАДПОО. Ф. 1, оп. 1, д. 157, л. 5-7).

22 февраля 1926 г. в газете «Красный пахарь» напечатана статья П. С. Медведева «5 лет за освобождение тувинского народа и Буян-Бадыргы». Он хорошо знал Буяна-Бадыргы и как бывшего нойона, и как главу правительства, и как лидера партии. Он подчеркивал: то, что Буян-Бадыргы встал на сторону народа, сыграло огромную роль в развитии революционного движения в Танну-Туве. «Отколовшись один от всей хемчикской консервативной знати, — писал автор статьи, — пользуясь любовью народа, он противопоставил себя всей руководящей группе консерваторов и тем самым сразу сильно ослабил сопротивление. Успехи, которые имеет тувинский народ, были бы получены с большими трудностями, чем при участии Буян-Бадыргы... есть много фигур, которые вперед его старались показать себя новыми людьми, но они также быстро сошли со сцены, как быстро появились на поверхности общественного движения. Он шел постепенно и втягивался в работу по мере того, как понимал новые влияния Октябрьской революции... Только он является ценной фигурой, как в прави-

тельстве, так и в ЦК партии, твердой рукой проводя все демократические мероприятия в пределах возможности, учитывая те специфические условия работы, какими полна тувинская действительность (Медведев, 1926).

А. Г. Старков, полномочный представитель СССР в ТНР, один из опытных работников исполкома Коминтерна в Монголии, в годы борьбы с «правыми» обмолвился: Монгуш Буян-Бадыргы и Талха-Сюрун являются в ТНР личностями, равными Ленину и Чичерину. Старков лично знал Буяна-Бадыргы и стремился укрепить его позиции в партии (Саая, 2003: 33).

Интересна характеристика этой личности, данная представителем Коминтерна в ТНР С. Нацовым. Поддерживая в 1926 г. кандидатуру Буяна-Бадыргы при переизбрании его на пост генерального секретаря ТНРП, он отмечал, что отход этого человека от руководящей партийной работы «нецелесообразен с точки зрения сегодняшней политики, ибо он имеет определенный авторитет в известных слоях населения. Его знают за пределами Танну-Тувы — Монголии, отчасти Китая — как бывшего князя и известного деятеля Урянхая. На него можно известным образом влиять» (РГАСПИ. Ф. 495, оп.153, д.13, л.31). Почти такого же мнения придерживался секретарь райбюро РКП (б) Я. С. Чугунов, который предложил ЦК перевести Буяна-Бадыргы из Хемчика и использовать его на работе в центре «как наиболее влиятельного деловитого члена партии и тем самым изжить самостоятельность хемчикского чиновничества» (Партийный архив Томского областного комитета КПСС — далее ПАТО. Ф. 2, оп. 2, д. 771, л. 39). Буян-Бадыргы, ссылаясь на существование сильной оппозиции против него как бывшего нойона в рядах партии, категориче-

ски отказался снова занять предложенный ему пост генерального секретаря ЦК ТНРП.

Небольшой, но важный штрих к его политическому портрету имеется в архивных дневниках этнографа М. Г. Левина, находившегося в 1926 году в Туве с первой советской антрополого-этнографической экспедицией. Он писал, что виделся с «председателем народной партии Тувы Буяном-Бадыргы. Выделяется из всех своим костюмом, манерами и тонким, умным лицом. Буян-Бадыргы — бывший князь, теперь фактически руководитель государства и вождь молодой нарастающей общественности. Наше знакомство завязывалось с того, что, увидев меня проходящего по улице с фотоаппаратом, попросил сфотографировать его. Конечно, я это сделал» (Архив ИЭА РАН. Ф. 41, оп. 1, л. 36).

В конце декабря 1928 года на IV съезд ревсомола Тувы приезжала делегация Коммунистического интернационала молодежи в составе В. Мачавариани и С. Третьякова. В брошюре «В Танну-Туву» вот как описал Мачавариани свою встречу с Буяном-Бадыргы: «на третий день моего пребывания в Туве я встретился с Буяном Бодерхо. Он знаменит в Туве своей образованностью, совершенно не тувинской чистоплотностью, национализмом и рьяной защитой интересов богачей и лам. Он сам не слишком богат. У него всего около двухсот бот (Бодо). Он низенький, кряжистый с европейским лицом. Даже монгольских скул нет...» Касаясь политической позиции своего оппонента, автор заметил: «Буян-Бодерхо говорил охотно, стараясь не затрагивать политические темы. Его нельзя назвать врагом сближения с СССР, хотя приехать к нам он категорически отказывается» (Мачавариани, Третьяков, 1931: 77-78).

Анализ архивных источников показывает, что сначала этот политический деятель поверил лозунгам Советов о социальной справедливости, о том, что Тува отныне все свои внутренние дела будет решать самостоятельно. Но реальная политическая жизнь ТНР показала, что местные чиновники находятся под надзором полпредов, советников СССР. Тем не менее, он шел по течению времени, занимал ответственные посты, старался приспособиться к чужой среде. Один из основателей тувинского государства глубоко в душе объективно не смог согласиться с создавшейся политической ситуацией, с началом гонения на основы традиционной культуры. Поэтому сознательно избегал разговоры на политические темы, понимал, что дни его сочтены, но пытался продержаться до последнего, но ему это не удалось.

В конце 1929 г. когда произошел политический переворот, он был снят с должности. Вернулся к себе домой в Куу-Даг, где его окрестили как «Народное правительство» (чоннуң чазаа). В марте 1930 г. Ак-Монгуш Буян-Бадыргы был арестован и посажен в тюрьму в Кызыле, чтобы он не стал знаменем борьбы против новой власти.

22 марта 1932 г. его расстреляли без суда и следствия.

Теперь Ак-Монгуш Буян-Бадыргы реабилитирован своим народом. Его именем названы улицы; Правительство РТ намерен поставить ему памятник в столице Тувы.

Справедливость восторжествовала.

Иннокентий Сафьянов

Летом 1889 г в Урянхай (Тоджу) по воле судьбы приехал 15-летний Кена Сафьянов (1875-1953 гг.). Он был сыном Георгия

Павловича Сафьянова, купца первой гильдии, открывшего во второй половине XIX века на территории Урянхай пять факторий, ведшего успешную торговлю с монгольскими и китайскими торговцами, открывшего новый чайный путь из китайского города Калгана через Монголию и Урянхай в Минусинск. Его отец был уникальной личностью, дружил с основателем знаменитого Минусинского музея Н. М. Мартьяновым и ссыльным революционером Ф. Коном. Г. П. Сафьянов собрал много тувинских коллекций для Минусинского музея и других музеев и выставок России. Он является автором «Записок об урянхайцах» — первого научно-этнографического очерка о тувинцах. Вместе с Феликсом Коном он вынашивал проекты строительства железной дороги в Туву, судоходства по Енисею, открытия золотых приисков, строительства школ и больниц на территории Урянхайского края (Тинмей, 2011).

Сразу после первой поездки в Урянхай, видя, какое впечатление край произвел на сына, Георгий Павлович предложил ему взять управление факторией Салдам в свои руки, чтобы освободить равшегося к своим делам брата Андрея Павловича. Сын, хотя и не любил торговлю, вынужден был согласиться. С первых же дней появления на Салдаме Иннокентий завел знакомство с местными тувинцами. Особенно подружился он с довольно зажиточным и уважаемым человеком по прозвищу Ортун-Ашак. Часто бывал в юрте у него и подолгу беседовал на самые разные темы. От него он в совершенстве научился тувинскому языку, познал все его тонкости и образные обороты. А в долгие зимние вечера приглашал в гости местных музыкантов — бызаанчы и записывал былины и легенды, которые они могли рассказывать, петь целыми ночами. (В 2010 г. издана его книга «Тува в прошлом. Художест-

венное творчество тувинского народа»). Тувинцы на свой лад дали ему ласковое прозвище Эккендей.

Первая зима, которую Иннокентий провел в Урянхэе, выдалась на редкость тяжелой. Выпало много снега, и скот, для которого здесь корм никогда не заготавливали, не мог добыть его из-под глубокого обледеневшего снега, погибал от бескормицы. Это бедствие кочевники называли *чут* (*гжут*). Люди голодали, так как основой питания здесь были мясо и молоко. И в то тяжелое время урянхайцев выручил молодой хозяин фактории. Биче-Бай, как называли его местные араты, раздал все пятьдесят пудов крупчатки, приготовленной отцом для монголов, которые должны были приехать за ней по весне...

Люди были довольны. Они сумели благодаря Эккендею пережить голодные весну и лето, и слава о нем разнеслась далеко за пределы Тоджи.

Младший брат И. Сафьянова Михаил тоже показал себя истинным выразителем интересов русского государства и урянхайского народа. Он писал: «Сойоты — не вымирающие дикари, а вполне жизнеспособные кочевники — скотоводы. Природа края больше всего соответствует скотоводческому хозяйству, и при известных условиях Урянхай мог бы стать для России тем же, чем стали для Европы Бразилия или Австралия». Иннокентий подхватывает эту мысль брата и развивает ее дальше: «Когда Англия или Германия проникают в Азию или Африку, они действуют, конечно же, не в интересах трудового народа, но хотя бы в интересах промышленников и купцов. У нас же колонизация обуславливается только интересами бюрократии» (цит. по: Байыр-оол, 2004).

В одной из статей в «Минусинском листке» И. Сафьянов впервые открыто выдвинул идею о независимости и самостоятельности Урянхая: «Если бы просто мог выясниться этот вопрос об Урянхае. Если бы, не мудрствуя лукаво, признали за сойотами право самостоятельной жизни и предоставили бы им самим устраивать свое будущее» (цит. по: Верещагина, 2001).

Именно эта идея стала двигателем всей его последующей жизни. Как тонкого, дальновидного политика и дипломата судьба Урянхая сразу же стала волновать его. После Февральской (1917 г.) революции в марте И. Сафьянов посылает в Москву брату Михаилу телеграмму, в которой просит его поехать в Петроград и лично доложить министру Керенскому и Чхеидзе об Урянхае, где требует прекратить порабощение урянхайского народа. Его записка была передана руководству 28 марта 1917 г. Временное правительство назначает его комиссаром по делам Урянхая. Сам он стремился лично поехать в Петербург, встретиться с министром иностранных дел и доложить о политическом положении Урянхая.

Идеи Октябрьской революции о свободе, равенстве и справедливости, об освобождении угнетенных народов Востока глубоко запали в душу И. Сафьянова. Он искренне поверил этим словам. В своем докладе по урянхайскому вопросу (1917 г.) в селе Усинском он решительно заявил: «Освобождение сойотского народа стало целью моей жизни, и теперь более чем когда-либо я не сложу оружие и доведу эту борьбу до конца. При известии о грядущей свободе моей первой мыслью было о возможном теперь освобождении Урянхая» (РФ ТИГИ. Сафьянов И. Танну-Тува. Д.42, №357).

В следующем году началась гражданская война в Советской России, которая быстро перекинулась в Сибирь, а потом за Саян-

ские горы в монгольские степи. 30 июня 1918 г. в Омске было образовано Сибирское временное правительство во главе с адмиралом Колчаком. В связи с началом гражданской войны на территории Тувы политическое и военное положение, взаимоотношения русских и тувинцев резко осложнились. Последние никак не могли различать, где белые, где красные, кто враги, кто друзья. Это весьма печалило лучшего друга тувинцев Эккендея.

Между тем борьба за советскую власть и за Урянхай продолжалась. В этой схватке решающую роль сыграла партизанская армия А. Кравченко и П. Щетинкина, которая разбила находившиеся здесь отряды колчаковцев и 18 июля заняла Белоцарск. Здесь же впоследствии 29 августа красные партизаны разбили белогвардейский отряд во главе с есаулом Бологовым. Партизаны не вступали в военные действия против китайских и монгольских оккупационных отрядов, между ними сохранялся нейтралитет. Глубокой осенью партизанская армия Кравченко и Щетинкина покинула Туву.

11 августа 1920 года Сафьянов в качестве представителя Сибревкома прибыл в Урянхай. В мандате, выданном ему еще в марте 1920 года, говорилось, что ему поручается установление дружественных отношений как с местным коренным населением Урянхайского края, так и соседней с ним Монголии.

В течение всего 1920 года на территории Урянхайского края борьба между белыми и красными была бескомпромиссной. Обстановка оставалась напряженной.

В конце 1920 года советские представители в очередной раз пытались урегулировать отношения с оккупационными отрядами дипломатическим путем. 27 октября на переговоры с Ян Шичао

выехал И. Г. Сафьянов, которого сопровождал красноармейский отряд Старухина в 72 человек, полсотни красных партизан и двадцатка человек местной дружины самообороны. Однако в Урянхайском крае китайские войска более чем где-либо оказались втянуты в военные события между российскими группировками.

Китайские войска совместно с белогвардейцами окружили в Оттук-Даше советский отряд и неожиданно атаковали его. Численный перевес был на стороне китайцев, кроме того, в их отряде были пулеметы и пушка. Однако красноармейцы и красные партизаны имели к тому времени богатый опыт военных действий. После десятичасового боя отряд И. Г. Сафьянова вышел из окружения и пробился к Атамановке (Суг-Бажы). Сам Сафьянов позднее писал: «После всех событий на Оттук-Даше нам стали ясны намерения Ян Шичао. Собрал свою банду казаков, бежавших из Сибири колчаковцев, а также местных кулаков, он решил заманить в ловушку и уничтожить наши небольшие силы, а потом перебить сторонников советской власти, разграбить русские поселки и объявить Туву китайской колонией. Оттук-Дашский бой сорвал этот коварный план Ян Шичао» (Сафьянов, 1957: 40).

Активизация оккупационных китайских сил в Туву вынудила И. Г. Сафьянова и партизанский отряд С. К. Кочетова, вернувшийся в край в конце октября 1920 года, сделать упор на силовые действия и опереться в этом на помощь Красной армии. И в связи с усилением угрозы вторжения белогвардейских войск со стороны западной Монголии, имевших тесную связь с белогвардейскими и китайскими войсками в Урянхае, Сиббюро ЦК РКП (б) направило обращение к Советскому правительству о введении в Урянхайский край подразделений Красной армии. В конце 1920 года в Урянхай-

ский край были введены части 352-го полка и 118-й бригады 5-й армии численностью в 300 штыков. В августе 1921 года в Туву прибыли подразделения 440-го полка внутренней службы.

Ввод Красной армии в Урянхайский край диктовался обострением ситуации в соседней Монголии. В феврале 1921 года Ургу захватил барон Унгерн. 26 февраля состоялась новая коронация Богдо-гэгэна, но реальная власть оказалась в руках Р. Ф. Унгерна, занявшего должность начальника штаба монгольской армии. Новоявленный властитель Монголии проявлял интерес к Урянхайскому краю.

Тувинские араты уже в 1920 году окончательно перестали поддерживать китайских представителей в регионе. В борьбе с китайскими интервентами отряды тувинцев объединились с местными красными партизанами. В начале марта 1921 года тувинские партизаны разгромили китайские отряд в Даг-Ужу около Шагонара и в долине р. Чадаана. Сам Ян Шичао еще раньше уехал в Китай, а его сподвижник Лин-Чан спасся бегством после разгрома отряда в Чадаане. При ликвидации китайского отряда на Чашпаннуг-Булуне большую помощь тувинским партизанам оказали тувинцы, служившие в китайском отряде. Участник событий вспоминал: «Попавшие в плен белокитайцы показали, что они приняли нас за отряд красных партизан. Они даже и мысли не допускали, чтобы тувинские араты могли организовываться в отряд и так умело выиграть бой» (Сафьянов, 1957: 140).

Так, в 1920-1921 гг. Монголия и Китай предприняли решительные действия по захвату Тувы и изгнанию российской власти и русского населения из региона. Однако по всем направлениям Пекин и Урга потерпели неудачи. Местное русское и тувинское

население не поддержало оккупантов и их союзников. Именно отряды аратов и красных партизан разгромили монгольские и китайские силы, изгнали их с территории Тувы даже без помощи Красной армии и тем самым обеспечили фундамент для создания Тувинской Народной Республики.

Необходимо подчеркнуть, что некомпетентное руководство Сиббюро ВКП(б) не знало, что Урянхай с апреля 1914 г. находится под протекторатом России. В телеграммах В. Ленину Сиббюро сообщало, что как будто край находится под протекторатом Китая. Более того, когда уже установилась советская власть в Туве, власти Омска и Москвы хотели уступить страну Внешней Монголии, чтобы идеи мировой революции распространились в глубь Азии. Точнее говоря, Советская власть России не хотела включить Туву, где уже образовались органы Советской власти в свое пространство и уступить его чужой стране ради утопии. Впрочем, от невежественных чиновников можно ожидать всякое во все времена.

Борьба за Советскую власть в Урянхайском крае между белыми и красными, борьба с оккупационными силами Монголии и Китая одновременно была борьбой за Урянхай, за установление самостоятельного государства тувинцев, где традиционное общество существовало в мире и согласии с русской общиной. Пока советские власти в Омске и Москве решали «урянхайский вопрос», а точнее, разыгрывали сложные дипломатические комбинации, в которых Туве зачастую отводилась роль разменной монеты или плацдарма для решения более важных задач, проблема эта на местном уровне была разрешена И.Г.Сафьяновым (Дацышен, Ондар, 2003: 114-115, 126).

Но для окончательного выбора необходимо было волеизъявление тувинского народа. Историческая заслуга И. Г. Сафьянова заключается в том, что в результате победы революционных сил и благодаря своему авторитету среди туземного населения сумел договориться с правителями двух хемчикских кожуунов, где проживало абсолютное большинство автохтонного населения, о необходимости создания государственности тувинцев под покровительством Советской России.

Провозглашение тувинского государства, где приняли участие почти все представители сумонов (родов) и кожуунов Урянхая, прошла в Суг-Бажы (Кочетово) 13-16 августа 1921 г. Создание самостоятельной Республики Танну-Тува вызвало резкое возражение со стороны монгольских чиновников. Однако их мнение мало кого интересовало. Тувинская элита сама решала судьбу своего народа. Необходимость покровительства северного соседа вызвана тем, что на Урянхай претендовали Китай и даже Внешняя Монголия, которая сама находилась под защитой Советской России. Смысл нового покровительства кроется в заключении военного союза между Тувой и Советской Россией, который действовал вплоть до конца 1944 года.

Салчак Тока

Контент-анализ текстов трилогии Салчака Тока «Слово арата», касающихся жизни подростка и юноши Тывыкы, написанных им самим и показания информантов, убеждают нас в том, что проходя социализацию в окружении русских крестьян-староверов, с малолетства играя с их детьми, он был пленен этой культурой, питался и одевался как они, хорошо освоил бытовой язык и обычаи. На осно-

ве признаний тоджинцев-писателей (Ю. Кюнзегеша, Л. Чадамба) мы полагаем, что как журналист Тока стал писать сначала на русском языке, а потом, преодолев тоджинский диалект, при помощи ежедневного общения с простыми людьми, благодаря цепкой памяти быстро усвоил народный фольклор и литературный язык хемчикских тувинцев. Тем не менее, надписи в многочисленных блокнотах, которые были сусланы на 99,9 % на русском языке, и тот факт, что он крестился в старообрядческой церкви и женился на русской, дает нам основания считать его русофилом.

Подчеркивая влияние культуры на черты личности, известный антрополог К. Клакхон пишет: «В различных обществах детей воспитывают по-разному... Каждое отдельное общество еще в раннем возрасте передает представителям нового поколения стандартную картину ценностей и санкционированных средств их обретения, модели поведения, предназначенные для мужчин и женщин, молодых и старых...

...Если ребенок из России окажется в Соединенных Штатах, то, став взрослым, он будет действовать и думать как американец, а не как русский — это факт, подтвержденный опытом. ... Процесс становления личности в качестве характерного представителя какой-либо группы включает в себя оформление необработанной человеческой природы» (Клакхон, 1998: 229-230).

Таким образом, личность человека формируется в процессе социализации, сущность которой сводится к усвоению культурного опыта общества. Результатом освоения культуры и формирования собственно человеческих качеств — мышления, способности к целенаправленной деятельности с другими людьми. В дан-

ном конкретном случае юноша Тывыкы стал своим человеком в русской крестьянской среде.

О том, что Кол Тывыкы в молодости не знал о тувинских народных праздниках свидетельствуют следующие строки, написанные им самим: «Говорят, сейчас начнется великий наадым. Ты на него пойдешь, Тывыкы? — спросил Кок, поблескивая глазами. На что тот отвечает на вопрос вопросом: «Сначала скажи, что такое надым (правильно — *наадым*. — М. Б.)? Это песня такая, что ли? Словами будут петь или просто свистеть?» (Тока, 1973: 176).

Как писал сам Тока, «В марте 1930 года в кабинете секретаря ЦК ТНРП Шагдыржапа собрались члены бюро ЦК: Первым пришел Пюльчун (правильно *Булчун*. — М. Б.), ставший теперь министром внутренних дел. Он весело поздоровался, затем затеял шуточный разговор, но тут же появился Сат — хмурый, чем-то недовольный, и стало неуютно, будто холодом пахнуло... Не заставили себя ждать и остальные.

— Один вопрос товарищи, — Шагдыржап не стал терять времени, — секретарь ЦК Монгольской революционной партии товарищ Элдеп-Очур прислал приглашение на девятый Великий Хурал. Кого пошлем?

«Какие имеются соображения?» — хмуро спросил Сат (Председатель Совета Министров ТНР Сат Чурмит-Дажы. — М.Б.) «Чего тут соображать? Давайте здесь и договоримся» — ответил Шагдыржап. «Пошлем Салчака» — предложил Пюльчун. Члены бюро как в рот воды набрали. Я растерялся. «Давай-ка я скажу тарга (дарга), — поднялся Сат и усмехнулся. — Если хотите знать мое мнение, надо послать другого человека. Вообще против Токи я ничего не имею. Но монгольской грамоты он не знает, жизнь этой

страны не знает. Вот и получится неизвестно что. Элбек-оол (председатель президиума Малого Хурала ТНР. — Б. М.) негромко, но так, что всем было слышно добавил: «В нем ни монгольского, ни тувинского ничего нет!» Я готов был провалиться со стыда. Ну зачем понадобилось Пюльчуну называть мое имя? «Не могу с вами согласиться, — откуда-то издали донесся недовольный голос Шагдыржапа, — мы только что выдвинули Току на высокий пост. Ему полезно будет поучиться. Я за то, чтобы послать его. Пусть опыт наших соседей изучит. Хорошее нам привезет, плохое там оставит. С перевесом в один голос предложение Пюльчуна прошло. Мне бы радоваться, а на душе было беспокойно» (Тока, 1973: 349-350).

Данный сюжет написан почти точно. Прав автор С. Тока и правы его оппоненты. Действительно, в то время у сравнительно молодого С. Тока мало было тувинского, а монгольского ничего нет по сравнению, например, с Сатом Саны-Шириевичем Чурмит-Дажы, в то время работавшим председателем Совета Министров и министром иностранных дел ТНР, который в совершенстве владел монгольским языком и письменностью, основам тибетской философии и медицины. Кол Тывыкы вырос батраком в старообрядческой крестьянской среде, приобщился к их языку и культуре. После учебы в КУТВе вместе с Эддеп-Очуром в Москве они овладели коммунистическими установками, стали партийными лидерами в своих кочевых странах. Поэтому в соответствии с духом революционного времени, в Монголию должен был ехать С. Тока, как представитель новой власти Тувы и как человек, лично знакомый с секретарем ЦК МНРП Эддеп-Очуром. Еще надо учесть, что в то время такие вопросы решались в самых верхах, в тиши кабинетов, а потом только согласовывались на бюро.

В «верхи» входили, вернее возглавляли, полномочные представители СССР в ТНР и советники.

Так что сложное было время. Сам С.К.Тока был назначен на свой пост с представителями Сиббюро ВКП(б) и был зависим от них.

Л. Ооржак, много лет возивший в 30-х годах С. Тока и хорошо знавший его личные привычки, свидетельствовал, что когда Тока бывал в аалах, то не мог есть ааржы, курут (сушеные твороги), далган, тараа (жаренное просо), не любил народную одежду, домашнюю утварь. Считал это пережитками прошлого. Не любил обычаи и традиции тувинцев. Далее он вспоминает, что однажды когда они поехали на праздник скотоводов в Чадан. Было много молодых и пожилых женщин в яркой национальной летней одежде. С. Тока, увидев их, полушутя — полусерьезно заметил: «А вы, оказывается, как и прежде, отсталые люди, ходите в старинной одежде, а если вы наденете русское платье, то я бы с вами потанцевал. Услышав эти слова, некоторые молодые женщины быстро переоделись и танцевали вместе с ним (РФ ТИГИ. Том V. Д. 1295. С. 45).

В своих кратких автобиографиях, написанных 27 февраля и 8 мая 1941 года, он указывал разные годы своего рождения. В 1929 г. очень желая учиться в Москве, сбавил на пять лет свой возраст, поэтому получилось, что он родился не в 1901 г., а 1896 году. При этом он никогда не указывал число и месяц своего рождения. Считал по лунному календарю, как это делали его сверстники-тувинцы. Может забыл уточнить у своей матери, братьев и сестер, а может просто не знал.

Между тем человек его поколения, с которым С. Тока как писатель часто общался, С. Сарыг-оол в своей «Повести о светлом мальчике» писал: «Я родился в год Курицы, в последнем месяце осени, семнадцатого дня, в час овцы», что в переводе на григорианское летоисчисление означает: 1908 год 17 ноября 8 часов. В традиционном обществе номадов дети очень рано включались в трудовую деятельность семьи. Главными агентами влияния на социализацию ребенка, формирование его самосознания и этнического поведения являются прежде всего люди кровного родства: родители — мать и отец, родные братья и сестры, бабушки и дедушки, то есть этническая среда. Писатель С. Сарыг-оол наглядно показал, в каких условиях воспитывались дети номадов, на каких ценностях формировалась их культура. В «Слове арата» мы наблюдаем совершенной иной тип социализации.

Монгуш Сономович Намзырай, 1911 г. рождения, уроженец Кызыл-Тайга Барун-Хемчикского кожууна, в 1928-1932 годах учился в КУТВе. По решению политбюро ЦК ТНРП в 1932 г. назначен первым редактором молодежной газеты «Реванэ шыны» («Правда революционного Союза молодежи»), позднее названной «Тываның аныяктары» («Молодежь Тувы»). Через год его назначили секретарем Верховного Суда, а в 1935-1937 гг. он был секретарем министерства финансов ТАР. Однако поработав в жизни всего четыре года, молодой человек 1 сентября 1937 г. был заключен в тюрьму по подозрению в «контрреволюционной» деятельности. Он был обвинен за утверждение о том, что «СССР захватил на севере Тувы свыше тысяч кв. км. земли, хотя Туву считают самостоятельным государством, все учреждения заняты русскими, в каждой организации имеются русские советники, а что они

делают, каковы их цели неизвестны, у ТНРП нет программы, разве можно считать ее партией, говорят, что СССР помогает Туве, а на самом деле они нам бесплатно не отдадут ни одной спички, хотя говорим, что Тува суверенное государство, но у него, почему нет герба». Он считал, что во всем этом повинен единственный человек — Тока. По мнению Монгуш Намзырая, Тока — иностранец, его нравы и поведение совершенно чужды тувинцам. Хунта Тока не успокоится, пока обязательно не продадут тувинскую землю. То, что они говорят — контрреволюционное дело, пустая брехня. Они заставляют людей стоять у горячей железной печки, не дают пищу, с помощью голодного измора выдавливают ложные показания и сажают.

За все это молодой журналист Монгуш Намзырай 19 января 1942 г. коллегией МВД Тувинской Аратской республики был приговорен к расстрелу. Справедливости ради надо заметить, что по поводу помощи СССР ТНР он был слишком пессимистичен. К тому же он в Москве бесплатно учился, питался и жил. Как он сам признавался: «Времена учебы в Москве — самые счастливые дни в моей жизни. Вместе с друзьями я был свободен и горд, незаметно как пролетели несколько лет учебы». Однако он стал противником той системы, которая его подготовила, чтобы он служил ей верой и правдой. Он не оправдал их доверие. За инакомыслие и измену власть его жестоко наказала.

У С. К. Токи всю жизнь сохранилась привычка больше доверять русским. Нянькой его сыновей и домработницей в течение 18 лет была русская женщина Антонина Абрамовна Курицына. Поэтому сыновья разговаривали и общались с ней на ее языке, языка родной матери — тувинского — они не знали. У Токи на

даче работали Федяев Карп Родионович и Федяева Татьяна Николаевна. Они в течение многих лет ухаживали за ней, ремонтировали, готовили пищу, стирали. Он иногда ездил в Дерзиг-Аксы, встречался со спутниками молодости, возил туда почетных гостей из-за Саян, устраивал не лоне красивой природы родных мест незабываемые встречи.

Об одной такой встрече написал писатель ленинградец Владимир Бахтин. Двенадцать лет назад он готовил к печати книжку о творчестве Александра Прокофьева. Его заинтересовала судьба героев Прокофьевской поэмы «Россия» — братьев Шумовых. Оказалось, что это реальные лица, истинные герои войны. Их след отыскался в Туве. И он решил навестить их, познакомиться с ними. Он отправился в Туву, в деревню Владимировку. И тут произошла первая встреча с Токой.

Через год он приехал в Туву вместе с Александром Прокофьевым. Они навестили оставшихся в живых героев-минометчиков братьев Шумовых. Замечательная была встреча, которую устроил им Салчак Калбакхорекович. Был большой литературный вечер, были искренние, дружеские слова и даже стихи в честь гостей. Были поездки С. Токой, с писателями в колхозы, к интересным людям.

Была еще одна поездка, которая запомнилась им на всю жизнь, показавшая душевную щедрость, тонкость и мудрость Токи. Днем хозяин предупредил «Поедем в степь». Сели в машину, поехали в Каа-Хем, Усть-Бурен, к горам, в тихое и безлюдное место и разложили костер. Солнце шло по вершинам гор, опускалось, становилось красным, постепенно меркло, но разгорался костер и вместе с костром разгоралась их беседа.

«Мы говорили о Туве, о России, — пишет Р. Бахтин, — мы пели русские частушки (Тока их хорошо знал. — М. Б.). Прокофьев — из перерусских русских, с постоянной лукавинкой и шуткой. В Токе почувствовали мы тувинский национальный склад характера — и в песнях, которые он пел, и в шутках, которыми он так и сыпал. Помню, в ответ на какую-то поговорку о русском человеке, Тока сказал: «Тувинец в утку промахнется, а в озеро — никогда»... «Какой подарок сделал нам Тока! И землю, и небо, и звезды! — не раз повторял потом Прокофьев, — это человек... Мы просидели у огня всю ночь. Взошла луна. И было сказочно тихо, а потом мы стояли у ночной реки, встречали солнце... Так и живет все это в душе: степь, утреннее солнце и два добрых, в раз породнившихся человека, в которых так щедро воплотились дух, талант, мудрое и радостное жизнелюбие народа» (Бахтин, 1971: 279-280).

Таким образом, мы знаем, что С. Тока разговаривал на двух языках свободно, на русском почти без акцента. В своем публицистическом и литературном творчестве, особенно с 50-х годов XX в., он пользовался тувинским языком, часто употреблял поговорки и пословицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Байыр-оол, М. С. (2004) И. Сафьянов — основатель ТНР // Тувинская правда. ; 103 от 7 августа.
- Бахтин, В. (1971) Подарок Токи // Улуг-Хем. Литератур. альманах. Кызыл. с. 279-280.
- Верещагина, Т. Е. (2001) Сафьянов Иннокентий Георгиевич // Башкы. № 3. С. 68-71.
- Дацышен, В. Г. Ондар Г. А. (2003) Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг. Кызыл.
- История Тувы (2007). Т. II. М.
- Клакхон, К. (1998) Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.
- Мачавариани, В., Третьяков, С. (1931) В Танну-Туву. М.
- Медведев, П. С. (1926) 5 лет за освобождение тувинского народа и Буян-Бадыргы // Красный пахарь. 22 февраля.

- Саая, С. В. (2003) Россия-Тува-Монголия: центрально-азиатский треугольник в 1921-1944 годах. Абакан. С. 33.
Сафьянов, И. Г. (1957) Революционная Тува // За свободу народа». Кызыл.
Тинмей, Д. Л. (2011) Эккендей // Тувинская правда. №№ 59, 60. Июнь.
Тока, С. (1973) Слово арата. М.

¹ Информант — Монгуш Базыр Даваевич, 1937 г. р. ветеран труда и партии.